

С. А. Шоткинов

**ПРЕСТУПНОСТЬ
В КРУПНЫХ ГОРОДАХ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**

Сергей Шоткинов

**Преступность в крупных
городах Восточной Сибири**

«Юридический центр»

2004

УДК 343.92
ББК 67.51

Шоткинов С. А.

Преступность в крупных городах Восточной Сибири /
С. А. Шоткинов — «Юридический центр», 2004

ISBN 5-94201-322-5

<p id="_GoBack">В работе рассматривается криминологическая характеристика преступности крупных городов Восточно-Сибирского региона на примере Иркутска, Братска и Улан-Удэ. Автором разработаны практические рекомендации по использованию методик изучения преступности в крупных городах Восточной Сибири, осуществлению на этой основе криминологического исследования преступности и ее детерминант применительно к конкретным городским поселениям. Работа предназначена для студентов юридических вузов и юридических факультетов всех форм обучения, аспирантов, преподавателей, практических работников, а также для всех интересующихся криминологией.

УДК 343.92

ББК 67.51

ISBN 5-94201-322-5

© Шоткинов С. А., 2004
© Юридический центр, 2004

Содержание

Введение	6
Глава 1. Теоретические предпосылки криминологического исследования преступности крупного города	9
§ 1. Геокриминография – одно из направлений криминологических исследований	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Шоткинов
Преступность в крупных
городах Восточной Сибири

© С. А. Шоткинов, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

* * *

*Моей дорогой и любимой маме Инне Степановне – моему самому
справедливому Учителю посвящаю*

Введение

*Город, брат, – это сила...
И чем больше город, тем он сильнее...
Реплика Гофмана из кинофильма «Брат»*

*Современный город, как Молох, ежедневно перемалывает сотни, тысячи, нет, сотни тысяч людских жизней и судеб! Кто знает, выйдя сегодня из дома на улицу, – вернется ли он домой целым и невредимым?!
А. Беляев. Голова профессора Доуэля*

Одной из наиболее актуальных и трудноразрешимых проблем общественной жизни в России остается проблема преступности: ее уровня, структуры, темпов роста. На это указывают как многочисленные публикации в средствах массовой информации, комментарии ведущих российских криминологов, так и официальные статистические данные МВД РФ. Не случайно подчеркивается, что даже при достаточно позитивных изменениях в динамике и структуре преступности криминальная ситуация в России остается сложной.¹ В этой связи развитие криминологических исследований такого многомерного общественного явления, как преступность, во всех его аспектах, в том числе и сравнительно малоизученных, представляется особо важным и приобретает первостепенное значение для борьбы с преступностью и ее профилактики.

Современное российское общество ощущает на себе последствия политической нестабильности, роста безработицы, падения благосостояния, межнациональных конфликтов, духовно-нравственного разложения и, конечно же, роста преступности. Эти явления, безусловно, взаимосвязаны и вызывают социальную апатию, немалую психоэмоциональную напряженность в обществе, резкие перепады политических настроений, чувство утраты веры в возможность скорейшего выхода из кризиса.

Одним из важнейших аспектов решения этой, поистине глобальной проблемы является задача подробного криминологического исследования регионального среза преступности. В частности, представляется недостаточно полно исследованной проблема преступности крупных городов России. Споры нет, феномен преступности таких столичных мегаполисов, как Москва или Санкт-Петербург, достаточно неплохо изучен и продолжает изучаться, что касается провинциальных крупных городов, – материала для изучения предостаточно. В этой связи автор считает необходимым вынести на суд научной общественности проблему преступности крупных городов Восточной Сибири. Это продиктовано рядом обстоятельств.

Во-первых, очевидно, что проблемы изучения преступности затрагивают абсолютно каждого. Практически нет на сегодняшний день гражданина России, которого не затронуло бы такое опасное явление, как преступность. Кто-то пострадал от кражи, разбоя, грабежа, кто-то столкнулся с проблемой наркомании (если не сам, то родственники, близкие, друзья), злоупотреблениями со стороны должностных лиц, хулиганством. На наших глазах развиваются и функционируют террористические организации, незаконные вооруженные формирования, бандитские сообщества. Этот перечень можно продолжать еще очень долго, и каждый здравомыслящий человек должен понимать, что если не контролировать темпы роста преступности, не снижать их, не прогнозировать развитие преступности, не внедрять профилактических мер, то в нашем обществе очень скоро воцарится настоящий хаос. Чтобы предотвратить это, обезопасить наше будущее и будущее наших детей, необходимо действовать. И начать, очевидно, нужно прежде всего с криминологической характеристики преступности.

¹ См.: Преступность и правонарушения (1997–2001). Стат. сб. М., 2002. С. 5.

Только информация о том, сколько преступлений совершено, какие из них наиболее распространены, какой географический район больше всего подвержен преступным проявлениям, что именно влияет на формирование личности преступника, дает возможность выявлять причины преступности и вести на нее планомерное, целенаправленное наступление.

Во-вторых, почему речь идет о криминологической характеристике преступности именно крупного города?

В настоящее время численность населения Земли составляет 6,2 млрд человек. В XX в. количество людей выросло в четыре раза. В городах живет 47 % населения, в сельской местности – 53 %. Ожидается, что к 2003 г. численность населения достигнет 8 млрд, в первую очередь рост будет происходить в городах.

Очевидно, что причины преступности кроются в самом обществе, в самом социальном организме. Конечно, нужно характеризовать и изучать преступность в рамках государства как определенной социальной общности. Но Российская Федерация имеет огромную территорию, в которую входят большие регионы и области, крупные города, каждый из которых имеет свои особенности в части качественных и количественных характеристик преступности. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что необходимо исследование и анализ территориальных различий преступности. Такие подходы в отечественной криминологии появились сравнительно недавно, в 70-80-е гг. XX в. В частности, проблемы территориальных различий преступности ставили в своих трудах такие мэтры отечественной криминологии, как А. И. Долгова, Г. И. Забрянский, И. И. Карпец, Ю. Д. Блувштейн, Я. И. Гишинский, И. П. Портнов, М. М. Бабаев. Сегодня данные проблемы продолжают изучаться в работах В. А. Уткина, Л. М. Прокументова, Г. Ф. Хохрякова и других ученых. Не подлежит сомнению значение исследований проблем преступности отдельного региона, осуществленных в работах В. Н. Сомина, Л. А. Волошиной, К. Т. Ростова, К. К. Горяинова, А. И. Силаева, И. Л. Друкарова, В. П. Мурашова, В. П. Филонова, Г. И. Дударева, М. В. Королевой, И. Б. Михайловской, С. С. Овчинского и других авторов. Достаточно мощный толчок к изучению вышеназванных проблем придали исследования эстонской школы криминологии при Тартуском университете под руководством А. А. Лепса, Э. Э. Раски, И. Я. Гинтера и других, свой неоценимый вклад внесли грузинские ученые А. А. Габиани и Р. Г. Гачечиладзе.

В настоящее время вопросы изучения территориальных различий преступности становятся все более актуальными. Необходимо вычлнить тенденции преступности, которые связаны с географическим местоположением того или иного города, региона, с плотностью населения, с экономическим, социальным развитием, уровнем благосостояния, занятости и безработицы, а также количеством правоохранительных органов, учебных заведений и даже с историей города или региона. Это, конечно, далеко не все, что влияет на криминологические особенности преступности различных территорий.

Общество приходит к осознанию того, что на местах власть становится все сильнее, полномочий у нее достаточно много, и поэтому продуманные меры, соотнесенные с результатами изучения криминологических особенностей преступности крупного города, могут быть очень эффективны в пределах соответствующей территории.

В настоящей работе автору хотелось бы, с одной стороны, поступив традиционно, показать конкретный крупный город именно как ядро городской агломерации, с другой стороны, представив город в таком качестве, более подробно остановиться на его культурно-историко-социальном «паспорте», продемонстрировав тем самым взаимосвязь последнего с гео-криминографической обстановкой в данном городе. Ведь, перед тем как заняться изучением преступности конкретного крупного города, логично было бы узнать, что представляет собой этот город вообще и как он стал таким, какой он есть сейчас.

Что же касается выбора конкретных городов для нашего исследования, то он продиктован несколькими обстоятельствами. Во-первых, исторически в Восточной Сибири наибо-

лее крупными являются именно областные, краевые или республиканские центры. Во-вторых, в советский период развития российской государственности возник принципиально новый тип городского поселения – так называемый «индустриальный» город, город-завод, город, вся социальная, экономическая, да и культурная сферы которого «привязывались» к одному крупнейшему предприятию или ряду таковых. В-третьих, на экономико-географической карте Восточной Сибири такой тип городов с 50–60 гг. XX столетия стал играть весьма значительную роль. В-четвертых, обращение к исследованию преступности индустриального города на примере Братска продиктовано особым статусом этого города в Иркутской области. Это «город-донор», второй, после Иркутска, по уровню экономического развития и численности населения. В-пятых, исторический анализ развития крупных городов Восточной Сибири позволяет сделать вывод, что геокриминографическая ситуация в них весьма отлична от аналогичной в других регионах России. В-шестых, именно города Иркутск и Братск являются своеобразными лидерами в экономике Иркутской области, – это подтверждается данными комитета по экономике администрации Иркутской области: рост промышленного производства в Иркутске за первые четыре месяца 2002 г. составил 139,9 %, а в Братске – 106,3 %. Объем промышленной продукции, произведенной крупными и средними предприятиями за этот же период, составил 6600 и 6630 млн рублей соответственно, доля Иркутска составляет 19,2 % в общем объеме производства, доля Братска – 19,3 %.²

Таким образом, в настоящем исследовании представлены: во-первых, исторические и социально-экономические характеристики трех крупных городов Восточной Сибири; во-вторых, криминолого-статистические характеристики преступности вышеуказанных городов (состояние, уровень, структура, динамика); в-третьих, социально-демографические особенности лиц, совершающих преступления в этих городах; в-четвертых, детерминационный комплекс преступности данных городов, его особенности и характеристика; в-пятых, правовые основы профилактики преступности в указанных городах, ее качественное и количественное обеспечение.

В работе показана взаимосвязь преступности с большим комплексом сложнейших социально-экономических процессов в трех вышеназванных городах. На основе данного материала проводится тщательный анализ современного состояния профилактики преступности в этих городах, при этом оно признается крайне неудовлетворительным. Исследуется массив нормативных актов программного характера, принятых, принимаемых и готовящихся к принятию на уровне Иркутской области, Республики Бурятия и конкретно по каждому из городов. Постепенно в ходе исследования делается вывод о принципиальной невозможности полноценной целенаправленной профилактической работы на уровне лишь одного субъекта РФ при государственной «апатии» в данной сфере.

Автор выражает глубочайшую признательность и благодарность всем тем, без чьей помощи и поддержки данная книга не увидела бы свет. Это доктор юридических наук, профессор Лев Михайлович Прозументов; доктор юридических наук, профессор Юрий Владимирович Голик; коллектив кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России и лично заместитель начальника института по научной работе, кандидат юридических наук, доцент Э. В. Георгиевский; все мои уважаемые Учителя и коллеги из Иркутска, Томска, Улан-Удэ, Новосибирска, Москвы и других городов.

² См.: Восточно-Сибирская Правда (далее – ВСП). 2002. 5 июня.

Глава 1. Теоретические предпосылки криминологического исследования преступности крупного города

§ 1. Геокриминография – одно из направлений криминологических исследований

Изучение преступности и ее характеристик всегда вызывало живейший научный интерес у зарубежных и отечественных криминологов. Высказывались и высказываются самые различные точки зрения по поводу происхождения преступности, факторов, ее определяющих, способов ее измерения и приемов воздействия на нее, включая борьбу с ней. Во многом полярность взглядов среди криминологов обусловлена относительной «молодостью» этого направления, непрерывными процессами становления тех или иных институтов, использованием новейших достижений смежных наук: психологии, социологии, психиатрии, педагогики и т. д.

Как известно, криминология в качестве самостоятельной науки развивается с 1885 г., когда впервые этим термином итальянские ученые А. Топинард и Р. Гарофало обозначили учение о преступлении.³ Однако проблемы соотношения преступного и не преступного, причин поведения, отклоняющегося от нормы, волнуют лучшие умы человечества уже с древнейших времен. В трудах древнегреческих философов Платона и Аристотеля мы находим указания на причины, по которым совершается то или иное преступление, на необходимость наказания, которое послужит человеку только во благо. Платон отмечает, что не наследственность влияет на наличие или отсутствие добродетели, а воспитание. Аристотель же полагал, что люди становятся преступниками по собственной воле, а условия жизни – лишь внешний фактор формирования личности.⁴ Обращались к проблемам преступления и наказания и древние римляне: Цицерон, Сенека, Гораций, Вергилий, Ювенал. Как известно, в древнеримском государстве наивысшего расцвета достигло цивилистическое право, однако вышеперечисленные мыслители говорили о необходимости соответствия наказания опасности преступления и преступника для общества, ими подчеркивалась особая роль общей превенции, личной ответственности, учета мотивов, которыми руководствовался преступник.

Средневековье явилось тяжелейшим периодом для прогрессивной мысли в целом, и юридической в частности. К идее о предупреждении преступлений общество вернулось лишь в эпоху Возрождения. Т. Мор в своей «Утопии» указывал, что следует воздействовать на причину с целью наилучшего воздействия на следствие, Ф. Бэкон призывал к совершенствованию закона, его кодификации, Г. Гроций – к расширению целей наказания, с тем чтобы оно не было только карой, но носило бы и общепреventивный характер.⁵

Особое значение для развития учения о преступлении и его профилактике имели работы Ш.-Л. Монтескье и Ч. Беккариа. Монтескье главной причиной преступлений считал злонравие, в своем труде «О духе законов» он рекомендовал дифференцировать наказания и строго следовать принципам личной ответственности и гуманизма.⁶ Одним из первых фундаментальных трудов, посвященных проблемам соотношения преступлений и наказаний, стала книга

³ *Garofalo R. La Criminologie. Paris, 1805. С. 177 etc.*

⁴ *Сочинения Платона. СПб., 1841. Ч. 1. С. 103; Аристотель. Соч. Т. 4. Никомахова этика. М., 1984. С. 163.*

⁵ *См.: Криминология / Под ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 11–12.*

⁶ *Монтескье Ш.-Л. О духе законов. Избр. произв. М., 1955.*

Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». В ней он указывал на необходимость соответствия закона нравственным нормам, на проблему обеспечения защиты прав человека государством путем ограничения этих прав.⁷

К сходным проблемам обращались и Дж. Локк, Д. Дидро, И. Бентам, Ж.-Ж. Руссо, Ж.-П. Марат и многие другие философы. В России о влиянии социальных причин на преступность писали А. Н. Радищев, Н. Г. Чернышевский, Н. Н. Добролюбов и другие.

Все сказанное выше смело можно отнести к предистории криминологии, к так называемой классической школе права. Ее представители полагали, что преступление и наказание – суть юридические явления, преступное поведение вызвано «злой волей» и на него можно воздействовать лишь при помощи уголовного наказания.⁸

Начиная с XIX в. постепенно формируются и другие направления исследований в области изучения преступного и не преступного. Одним из них было антропологическое направление, основоположниками которого стали Ф. Галль и Ч. Ломброзо. Его сторонники считали, что «...преступления являются продуктом индивидов, их совершающих, а следовательно, их характер зависит от природы и от тех условий, в которых эти индивиды находятся; лишь принимая во внимание эту природу и эти условия, можно правильно оценивать преступления».⁹ Преступники – это существа особого рода, наделенные специфическими органическими и психическими чертами, как наследственными, так и приобретенными. Наказание же – это своеобразная оборона общества от преступников.

Другим самостоятельным направлением стало статистическое. Одним из его виднейших представителей был бельгийский статистик А.-Ж. Кетле. Преступность объяснялась им как массовое социальное явление, подчиняющееся определенным статистическим закономерностям.¹⁰

Представители социологического направления (Ферри, Гарофало, Марро и др.) объясняли преступность как явление, в большей мере опосредованное социальной средой, экономическим благосостоянием общества. Возникло учение об уголовной политике, о соотношении преступления и реагирования на него со стороны государства. Все это послужило развитию специальных исследований преступности, ее закономерностей и причин, т. е. возникновению криминологии.

Криминологические исследования того времени показывали взаимосвязь преступности и безопасности, различия ее в отдельных регионах того или иного государства. Научная мысль все чаще и чаще приходила к выводу о том, что совокупность преступлений как уголовно-правовых институтов и преступность – суть различные явления. Второе, в отличие от первого, живет и развивается по своим законам, оно находится в теснейшей взаимосвязи с экономической политикой, культурой, религией и иными факторами существования общества.

В XX в. криминологи и социологи подчеркивали неизбежность, закономерность наличия преступности в обществе. Высказывались даже взгляды, согласно которым преступность «нормальна». Ибо она есть продукт общества, взаимодействие его различных факторов и институтов между собой (Э. Дюркгейм).¹¹ Однако криминология все же полагает, что преступность, наряду с присущими ей закономерностями: относительной массовостью, территориальной распространенностью и пр., тем не менее явление негативное для общества и уж никак

⁷ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.

⁸ См. напр.: Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. М., 1912. С. 10; Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. СПб., 1902.

⁹ Чубинский М. П. Курс уголовной политики. СПб., 1912. С. 245.

¹⁰ Кетле А.-Ж. Человек и развитие его способностей или опыт общественной физики. СПб., 1865. С. 5–7.

¹¹ См., напр.: Дюркгейм Э. 1) Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912; 2) Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. Вып. 2. СПб., 1914; 3) Германия превыше всего. М., 1917; 4) Метод социологии. Киев; Харьков, 1899. С. 62 и др.

не «норма». С момента своего окончательного утверждения (конец XIX в.) и по сей день криминологи решают одни и те же извечные вопросы: что есть причины преступного, как на них воздействовать, посредством чего и с какими затратами?

Пожалуй, можно с полной уверенностью отнести криминологию к числу наиболее динамичных наук XX в. Это вполне объяснимо, учитывая то, что она по сути своей есть комплексное знание, использующее достижения многих других наук: психологии, социологии, психиатрии, генетики, педагогики, статистики и т. д. Однако криминология имеет свой, четко очерченный, присущий только ей объект: преступное. Известно, что криминология изучает самые различные стороны преступного: преступные проявления (преступления), преступное поведение, причинный комплекс такого поведения, особенности личности преступников, количественные и качественные характеристики преступности как целостного негативного социального явления и профилактику данного явления. Таким образом, определив объектом рассматриваемой науки преступное, т. е. запрещенное уголовным законом, мы можем в рамках данного объекта выделить пять основных элементов, составляющих предмет криминологической науки:

1. Преступность: ее качественные и количественные характеристики.
2. Причинный комплекс преступности.
3. Особенности личности лица, совершившего преступление.
4. Психологический механизм совершения конкретного преступления.
5. Сущность профилактики преступности со стороны различных субъектов.

Криминология, будучи самостоятельной наукой, тем не менее имеет дуалистичную природу: являясь юридической лишь отчасти, она в остальной своей части социальна. Этим и вызвано многообразие используемых ею заимствованных частнонаучных методов при отсутствии своего, сугубо криминологического, метода.

Уникальность криминологии как науки состоит в том, что она, во-первых, пытается найти причину общего (преступность) через изучение причин частного (виды преступности и отдельные преступления), во-вторых, она пока не имеет унифицированного, единого подхода как к изучению этого общего, так и к объяснению его природы, в-третьих, эта наука – единственная в своем роде – ставит перед собой задачу предложить государству и обществу действенные меры профилактики страшнейшего социального зла – преступности.

Сейчас, в начале XXI в., когда криминология в качестве самостоятельной науки перешагнула свой 130-летний рубеж, в мире достаточно четко выделяются три подхода к изучению преступности. Первый из них, социологический, получил распространение в США. Данный подход в большей степени отдает предпочтение социальной природе преступности, внешним факторам влияния на личность. Преступное поведение есть продукт воздействия социальной среды, окружения личности. Эти взгляды выражаются в многочисленных теориях социологической направленности: теории аномии, стигматизации, дифференциальной ассоциации, социальной дезорганизации, интеракции, виктимологические, радикальные и другие теории.¹² Иного подхода придерживаются западноевропейские криминологи, в частности французские и итальянские, где еще сильно влияние ломброзианства. Его можно назвать социобиологическим, т. е. наряду с воздействием внешних социальных факторов многое зависит и от самой личности.¹³ Сторонники этого подхода утверждают, что определенные задатки личности при надлежащих внешних условиях приведут ее в конечном итоге к совершению преступления. Еще более радикальным является биологический подход, согласно которому определенная

¹² Подробнее об этих и других теориях см.: *Инишаков С. М.* Зарубежная криминология. М., 1997. С. 165–196. Также см.: *Шнайдер Г.-Й.* Криминология. М., 1994. С. 268–345; *Шурр Э. М.* Наше преступное общество. М., 1977. С. 140–172; *Уэда К.* Преступность и криминология в современной Японии. М., 1989. С. 115–144; *Фокс В.* Введение в криминологию. М., 1985. С. 89–170.

¹³ См.: *Инишаков С. М.* Указ. соч. С. 116–164; *Уэда К.* Указ. соч. С. 106–114; *Фокс В.* Указ. соч. С. 171–193.

личность изначально «рождена на свет» для аморальных, девиантных поступков. Эти взгляды являются прямым продолжением идей Ч. Ломброзо о «врожденном преступнике». К числу таких теорий следует отнести как развивающиеся ныне, так и остановившиеся в своем развитии. Это концепции умственной отсталости преступников, конституционной предрасположенности к преступлению, генетические концепции преступности, клинические теории, теории фрейдизма и неофрейдизма, деструктивности (агрессии по Э. Фромму) и т. д.¹⁴ Общим для вышеназванных подходов является то, что все они далеки от юриспруденции, объясняя преступное через призму социологии или (и) биологии, факторами, находящимися вне действующего правового поля: состоянием экономики, социальной картиной общества, психическими особенностями отдельной личности и др. Юриспруденция же с этих позиций есть свод субъективистских правил, не способных дать криминологическим исследованиям никакой полезной информации. Исходя из этого, криминология в системе высшего образования во многих странах не относится к числу наук юридического профиля и не обязательна для изучения студентами-юристами.

Иного взгляда на содержание своей науки придерживаются отечественные ученые-криминологи. Традиционно криминология никогда не рассматривалась в советский и постсоветский периоды в качестве социологического или биологического знания. В России превалирует взгляд на криминологию как на социально-правовую науку. Нормативизм этой науки объясняется тем, что в своих исследованиях она опирается прежде всего на терминологию уголовного права, уголовно-исполнительного права и иных юридических наук. Более того, криминология как учение о преступном в нынешней своей ипостаси имеет прикладное значение лишь до тех пор, пока это преступное существует. Круг же преступных деяний определен лишь в одном законе федерального уровня – Уголовном кодексе. Исходя из принципа презумпции невиновности, декларируемого Конституцией РФ, преступником человека может признать лишь суд путем вынесения таковому обвинительного приговора. И только в этой связи мы можем говорить о личности преступника. Будучи рассматриваемой в таком ракурсе как юридическая наука, криминология, тем не менее, выходит за рамки чисто нормативистского подхода и активно использует богатейший исследовательский инструментарий, которым обладают науки социального цикла. Это и методы, и терминология, и соотношение достижений этих наук с юриспруденцией. Следует отметить, что подобный подход, безусловно, теоретически должен придавать криминологическим исследованиям в России гораздо больший динамизм и эффективность, нежели за рубежом. Ибо российские криминологи не только ставят проблемы, но и, обладая юридическими знаниями, предлагают правовые пути их решения с указанием конкретных адресатов с учетом их компетенции. Таким образом, становится виден конкретный социальный результат рекомендаций криминологов, а это значительно повышает практический общественный вес данной науки и ее выводов, в отличие, например, от США. Вместе с тем единство во взглядах на сложнейшие проблемы преступности и ее причин, вероятно, ведет к определенному догматизму и традиционализму, что, в свою очередь, негативно сказывается на развитии криминологии в целом. В частности, явно недостаточно внимания уделяется бихевиористике, этногенезу преступности, экологии, топографии и географии преступности, проблеме психоанализа и т. д. Тем не менее следует отметить высочайший уровень развития криминологической мысли в России, неопределимый вклад российских ученых, прежде всего юристов, в формирование криминологии как самостоятельной отрасли научного знания и факт бесспорного признания достижений отечественной криминологической науки за рубежом.¹⁵

¹⁴ См.: Ломброзо Ч. Преступление. М., 1994; Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992. С. 202–216.

¹⁵ На этот факт, в частности, указывают ссылки на отечественные теории преступности и причин преступности, обязательно имеющиеся во всех серьезных трудах зарубежных криминологов. При этом авторы далеко не всегда согласны с этими теориями, но факт «признания» российской криминологической школы налицо. См., напр.: Шнайдер Г.-Й. Криминология.

Как видно из всего вышесказанного, невзирая на разницу в подходах к изучению преступности, перед мировой криминологией стоят сходные задачи и проблемы. В одних странах они решаются более успешно и эффективно, в других – менее, в некоторых к их решению общество приступает только сейчас.

Думается, будет верным к одной из таких проблем отнести проблему региональных количественных и качественных различий преступности: ее видов, количества преступлений, их прироста. Актуальность этой проблемы особенно остра для России, по-прежнему, даже после распада СССР, остающейся самой крупной державой в мире по территории (17 075,4 тыс. км²) и одной из крупнейших по численности населения (145,7 млн человек на 1 июля 2001 г. – 6 место в мире). На территории РФ проживает свыше ста наций и народностей. Территория РФ протянулась с запада на восток, от Калининграда до Чукотки, на 8750 км, с севера на юг, от Мурманска до Северного Кавказа, на 3500 км. Плотность населения составляет от 0,0003 человек на 1 км² в Республике Саха (Якутия) до 200 человек на 1 км в Московской области.¹⁶

Уже по этим (и не только по ним) географическим показателям видно, что Россия – уникальная страна. А ведь можно еще говорить и об экономических, и о социальных, и о культурных и многих других характеристиках нашей страны. Все это лишний раз подчеркивает, насколько важно изучать такое социальное явление, как преступность, с учетом региональных различий, территориальных и этнических особенностей.

Изучение преступности, как известно, осуществляется с помощью статистических данных о ней. Четкая и полная регистрация совершаемых преступлений чрезвычайно важна, ибо статистические исследования дают криминологам тот необходимый инструментарий, с помощью которого составляются прогнозы и разрабатываются план-программы, т. е. мероприятия, направленные на предупреждение преступности.

Определяя преступность, мы учитываем, что она относительно самостоятельна и исторически изменчива. Следовательно, будучи самостоятельным явлением, преступность может быть описана и показана с помощью неких, присущих только ей характеристик.

Как известно, статистически преступность представляет собой совокупность преступлений, совершенных в данном регионе за данный временной промежуток. Эта совокупность описывается с помощью *статистических характеристик*, включающих в себя *абсолютные и относительные* показатели преступности: *объем и уровень (состояние) преступности, структура преступности, динамика преступности*.

Объем преступности – это количество преступлений или лиц, их совершивших, на конкретной территории за конкретное время. Он являет собой абсолютную цифру, иллюстрирующую количественную характеристику преступности. Однако абсолютная цифра содержит в себе ничтожно мало информации для криминолога ввиду невозможности сравнения ее с аналогичными цифрами других временных отрезков. Зная, например, что в 1990 г. в городе А. 1200 человек совершили 1300 преступлений, а в 1997 г. – в этом же городе 1400 человек совершили 1600 преступлений, мы отнюдь не сможем охарактеризовать преступность в городе А.: понизилась ли она, повысилась ли, – отсюда видно, что с помощью первичных, абсолютных статистических данных научного исследования провести нельзя, для этого следует свести эти данные к какому-то единому показателю, т. е. превратить их в относительные. Это достигается с помощью расчета так называемого *уровня, или состояния, преступности*.

Уровень преступности есть ее количественный показатель, отражающий соотношение количества преступлений или лиц, их совершивших, на определенное количество населения (1000, 10 тыс., 100 тыс.). Это количество (так называемый индекс расчета) зависит от величины населения сравниваемых объектов. Например, при населении данных пунктов до 100 тыс.

М., 1994. С. 258–267.

¹⁶ Атлас России. М., 2001.

человек уместно рассчитать уровень на 1000 человек, до 1 млн человек – на 10 тыс., свыше 1 млн – на 100 тыс. Разумеется, при сравнении разных объектов индекс должен быть единым. Статистически уровень преступности выражается при помощи коэффициентов интенсивности преступности и преступной активности.

Коэффициент интенсивности преступности рассчитывается следующим образом:

$$K_{и} = (П : Н) \times ИР,$$

где $K_{и}$ – коэффициент интенсивности преступности; П – объем преступлений, совершенных на данной территории за определенный промежуток времени; Н – количество населения данной территории; ИР – индекс расчета.

Выше нами было указано, что данный коэффициент рассчитывается на определенное количество всего населения, однако статистические отчеты МВД показывают, что его можно рассчитать и на так называемое криминально-потенциальное население (т. е. население, достигшее 14 лет). Математически это сделать несложно, учитывая, что объем такого населения составляет около 75 % от общего его числа. Возникает вопрос: а насколько это необходимо?

Попробуем прояснить ситуацию.

Для этого нам необходимо выяснить, что же именно мы узнаем с помощью вычисления данного коэффициента? Вероятно, можно утверждать, что коэффициент интенсивности показывает криминальную пораженность территории, на которой производится его расчет. По величине этого показателя можно судить об эффективности работы правоохранительных органов данной территории. Поэтому нам представляется не совсем понятным расчет этого коэффициента в отношении какой-либо части населения.

Коэффициент преступной активности рассчитывается следующим образом:

$$K_{а} = (Л : Н_1) \times ИР,$$

где $K_{а}$ – коэффициент преступной активности; Л – объем лиц, совершивших преступления на данной территории за определенный промежуток времени и зарегистрированных в качестве таковых; N_1 – количество населения данной территории, достигшего возраста уголовной ответственности, ИР – индекс расчета.

Данный показатель преступности как раз надо рассчитывать именно на криминально-потенциальное население, так как он показывает криминальную пораженность населения, способного нести уголовную ответственность. Учет при этом всего населения, т. е. и не достигшего возраста 14 лет, делает расчет этого показателя бессмысленным.

По величине данного показателя можно судить о криминогенности населения конкретной территории, о частоте воспроизводства им из своей среды преступников, о влиянии криминальной субкультуры на население в регионах, где носители этой субкультуры представлены в большом количестве и т. д.

Качественная характеристика преступности есть ее **структура**. Она отражает соотношение между различными видами преступлений: по видовой и родовой принадлежности их объекта, по форме вины, полу преступников, их возрасту, месту совершения преступления, первичной и рецидивной преступности и т. д. Графически структура преступности может быть представлена в виде круговой диаграммы с использованием как абсолютных, так и относительных показателей, однако удобнее использовать первые, так как при этом весь массив совершенных преступлений берется условно за 100 %, а доля каждого из составляющих его видов вычисляется с помощью так называемого удельного веса, рассчитываемого по формуле:

$$УВ = (П_1 : П) \times 100 \%,$$

где УВ – удельный вес преступлений данного вида; P_1 – объем преступлений данного вида; П – объем преступлений в целом (на данной территории, за данный промежуток времени и т. д.).

Наконец, еще одной характеристикой преступности является ее **динамика**. Она отражает преступность в движении, т. е. темпы ее роста или снижения во времени. Динамика рассчитывается с помощью двух основных методов – *цепного и базового*: при использовании первого метода объем (уровень) преступности за интересующий период сравнивается с предыдущим, тот – с предыдущим ему и т. д.; базовый метод предполагает сравнение нескольких интересующих исследователя периодов с одним и тем же периодом начала отсчета. Динамика также выражается с помощью абсолютных и относительных показателей, таких как абсолютный рост (снижение) преступности (А), темпы динамики преступности (Т) и темпы прироста (снижения) преступности (Т₁). *Абсолютный рост преступности (А)* рассчитывается по формуле:

$$A = П - П_{пр},$$

где П – объем преступности за интересующий период; П_{пр} – объем преступности за предыдущий период.

Темпы динамики преступности (Т) рассчитываются так:

$$T = (П : П_{пр}) \times 100 \%,$$

Темпы прироста (снижения) преступности (Т₁) рассчитываются по формуле:

$$T_1 = T - 100 \%,$$

где Т – темп динамики преступности.

Существуют и иные характеристики преступности: тяжесть среднестатистического преступления, индекс судимости и т. д., однако все они в конечном счете производны от трех вышеназванных.¹⁷

Столь подробное обращение к природе статистической характеристики преступности обусловлено тем, что предмет нашего исследования, безусловно, может быть описан и изучен только с помощью показателей уровня, структуры и динамики преступности в различных крупных городах Восточной Сибири.

Переходя к более подробному описанию **предмета, задач и целей географии преступности**, следует в первую очередь четко их обозначить. Итак, в качестве *предмета* можно выделить территориальные различия и региональные особенности преступности в РФ, отдельно взятом субъекте РФ, муниципальном образовании. Природа этих различий, несомненно, неодинакова как по вертикали – в зависимости от уровня исследования, так и по горизонтали – на конкретном уровне – в разных регионах, субъектах, административно-территориальных единицах. Таким образом, главнейшими *задачами* этого направления криминологии являются, во-первых, выявление и констатация причин и условий, детерминирующих территориальные различия преступности, во-вторых, анализ и раскрытие их сущности, в-третьих, объяснение взаимосвязи всего причинного комплекса, как на вертикальном уровне, так и на горизонтальном. Наконец, *целями* географии преступности могут быть названы указание на многоаспектность вышеозначенной проблемы, примерный прогноз динамики преступности с учетом ее территориальных различий и, как следствие этого, предложение примерного перечня возможных мер профилактики и борьбы с преступностью.

Несомненно, проблема преступности в общественной жизни РФ является одной из самых актуальных и трудноразрешимых. На это указывают как многочисленные публикации в СМИ, комментарии ведущих российских криминологов, так и официальные данные МВД РФ. Не случайно подчеркивается, что даже при достаточно позитивных изменениях в динамике и структуре преступности, криминальная ситуация в России остается сложной. В этой связи развитие криминологических исследований такого многомерного общественного явления как преступность, всех его различных аспектов, в том числе и сравнительно малоизученных, пред-

¹⁷ Следует отметить, что символы, используемые в формулах расчета показателей преступности, предложены автором настоящей работы и могут не совпадать с используемыми другими авторами. Принцип же расчета неизменен.

ставляется особо важным и приобретает первостепенное значение для борьбы с преступностью и ее профилактики.

Одним из таких относительно «новых» направлений в отечественной криминологической науке является изучение *территориальных различий преступности*, а также причин и условий, их детерминирующих. Нельзя сказать, что эта проблема абсолютно внове для криминологов России. Вопросы зависимости характеристик преступности от территориально-временных факторов ставились как в советской криминологии, так и в постсоветский период. К этой проблематике в разное время обращались такие известнейшие отечественные ученые, как А. И. Долгова, Г. И. Забрянский, В. В. Лунеев, И. П. Портнов, Л. И. Спиридонов, П. Г. Пономарев, Э. Э. Раска, Я. И. Гишинский, Ю. Д. Блувштейн и другие. Результаты этих исследований изложены в различных тематических сборниках и монографических работах.¹⁸

Следует отметить, что территориальные различия преступности – факт, который уже давно привлекает внимание криминологов. Статистические характеристики преступности в разных регионах РФ имеют довольно существенные различия. Думается, что исследование территориальных различий преступности дает возможность наиболее полно учесть особенности преступности и при разработке предупредительных мер, предлагаемых в региональных планах социально-экономического развития и в программах борьбы с преступностью. Это – практический, так сказать, «прикладной» аспект подобного рода исследований. Теоретическая же их ценность заключается в том, что с их помощью можно детальнее изучить механизм детерминации преступности и ее изменений, выявляя социальные, экономические, политические явления и процессы, которые либо формируют причины преступности, либо способствуют им в различных регионах.¹⁹

До сих пор во всех исследованиях по данной теме превалировал взгляд: «социальное» через «географическое». На это указывает, в частности, А. И. Долгова, говоря о том, что «при изучении территориальных различий преступности и их причин не снимается необходимость учета специфики преступности на общесоциальном и социально-групповом уровнях, а также в разрезе основных сфер общественной жизни».²⁰ Географические особенности того или иного региона при этом учитываются исключительно как дополнительные, неосновные. Они не проявляются в чистом виде, выступают не сами по себе, а как часть интегрированной совокупности всех социальных факторов. Тем не менее они не поглощаются полностью общественным, продолжая свою жизнь в территориальной специфике социального, будучи одной из причин ее возникновения и формирования. «Географическое – носитель социального», – утверждают Л. И. Спиридонов и А. А. Лепс.²¹ Этот тезис подкрепляется ими тем, что нельзя одними особенностями географического положения объяснить различие образов жизни и типов личности жителей разных регионов России. Специфика общественной формы отчасти объясняется и особенностями той территории, на которой эта форма возникла и развивалась. Следует заметить, что последнее предположение в известной мере противоречит сказанному ими выше.

¹⁸ См.: Территориальные различия преступности и их причины. Сб. науч. тр. / Под ред. А. И. Долговой. М., 1988; Изменения преступности в России. М., 1994; Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности // Учен. зап. Тартуского госуниверситета. Тарту, 1985. Вып. 725; 1987. Вып. 761; 1988. Вып. 817; 1989. Вып. 859; *Габашин А. А., Гачециладзе Р. Г.* Некоторые вопросы географии преступности. Тбилиси, 1982; *Забрянский Г. И.* Криминологическая классификация регионов Российской Федерации // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 2; *Портнов И. П.* Город и преступность // Государство и право. 1993. № 2; *Бабаев М. М., Королева М. В.* Преступность приезжих в столичном городе. М., 1990; *Забрянский Г. И.* Криминологические проблемы села. Ростов н/Д, 1990 и др.

¹⁹ Эта проблема особенно актуальна для России в силу ее географических особенностей. В идеале, именно такого рода исследования должны ложиться в основу региональных и субъектных программ профилактики преступности, только при учете которых может приниматься федеральная программа. К сожалению, уровень теоретических разработок в этой области пока недостаточен.

²⁰ См.: Территориальные различия преступности и их причины. С. 5.

²¹ См.: *Спиридонов Л. И., Лепс А. А.* Теоретические вопросы изучения территориальных различий в преступности // Учен. зап. Тартуского госуниверситета. Тарту, 1985. Вып. 725. С. 4 и сл.

Обозначая новую грань этой действительно сложной проблемы, следует сразу же определить: а что же именно будет пониматься нами в дальнейшем под географией преступности? Нелишним в этой связи будет упомянуть, что подобного рода наименование не принадлежит отечественной криминологической науке. Российские криминологи и их коллеги из стран СНГ и Восточной Европы говорят о территориальных различиях преступности, что вполне объяснимо, ибо последние можно отнести к теории криминологической детерминации и считать их частью этой теории. Назвав же территориальные различия преступности географией преступности, мы тем самым, по сути, обособляем это направление криминологических исследований, наделив его самостоятельным предметом, и придаем ему некую самостоятельность, разумеется, в рамках криминологии в целом. Исключением здесь является, пожалуй, лишь работа А. А. Габияни и Р. Г. Гачечиладзе, в названии которой прямо говорится о географии преступности.²² Однако, по сути, и в ней речь идет лишь об опосредованном влиянии географического на социальное, в том числе и на преступность.²³ Думается, что такой подход не случаен. Как известно, криминология в России не была самостоятельно оформившейся, обособленной наукой до 60-х гг. XX столетия. Этому способствовали различные исторические, политические, социоэтнические, экономические и другие факторы. Начиная же с 60-х годов XX в. криминология считалась (и считается некоторыми специалистами) неким ответвлением уголовного права, имея при этом самостоятельный и явно несхожий с уголовно-правовым предмет исследования. Будучи, таким образом, наукой социально-правового плана, т. е. гуманитарной, криминология не могла избежать значительной степени заидеологизированности. Это отразилось практически на всех составляющих ее предмета: классовый характер преступности, ее дальнейшее «отмирание», личность преступника – деклассированный элемент, ведущая роль КПСС в предупреждении преступности и т. п. Разумеется, вопросы детерминации преступности также разрешались исключительно с классовых позиций. Этим в большей степени и объясняется некое единообразие подхода к выявлению причинного комплекса преступности.

Выше нами говорилось о разнообразных подходах к научной природе криминологии. Что касается причин и условий такого социального явления, как преступность, то здесь, бесспорно, показателен американский подход. Множество теорий, посылок и мнений, с одной стороны, как бы затрудняют «высвечивание» истинных причин и условий совершения преступлений, с другой стороны, вероятно, именно при помощи самых разнообразных точек зрения, порой взаимоисключающих, и можно определить: а что же есть истинная причина конкретного преступления или группы преступлений и что есть истинные условия, которые совершению его (их) способствовали?²⁴

Поиск же причин и условий преступности в целом, на так называемом глобальном, всеобщем уровне, бесспорно, представляется необходимым, но далеко не законченным. Тому множество примеров. Это и участившиеся в последние 10–15 лет серийные убийства, в том числе на сексуальной почве, и коррумпированность власти, и дикая, ужасающая жестокость преступлений на бытовой почве. Заметим, что все эти преступления совершаются самыми обычными людьми: не обездоленными во всех отношениях дегенератами, а вполне благополучно социализированными личностями, имеющими семью, дом, работу, друзей, а в случаях коррупции – так речь вообще идет о преуспевающих политиках и чиновниках. Так что же: сведем причины всех этих преступлений к искажению так называемого общественного сознания? А условия – к невыплате заработной платы и незапертой форточке? Вероятно, все это имеет место, но на уровне индивидуальном, единичном, что же касается масштабов города, области, региона,

²² Габияни А. А., Гачечиладзе Р. Г. Некоторые вопросы географии преступности.

²³ Габияни А. А., Гачечиладзе Р. Г. Некоторые вопросы географии преступности. С. 14–16.

²⁴ См.: Ишиаков С. М. Указ. соч. С. 223–271 и др.

страны – причины, думается, недостаточно обозначить лишь как девиации. Пока эта проблема, на наш взгляд, остается открытой.

Советская криминология, как мы выяснили, не уделяла достаточного внимания учению о географии преступности. Термин этот, будучи введенным в обиход отечественной науки лишь в 80-е годы, еще не имеет однозначного толкования. Зарубежные же криминалисты понимают под *географией преступности* самостоятельное направление криминологических исследований, занимающееся проблемами пространственно-временного распределения преступности в мире, отдельно взятом государстве, его частях или административно-территориальных единицах. Такое определение, в частности, дает географии преступности немецкий криминолог Г.-Й. Шнайдер. Он же определяет так называемую экологию преступности – учение о взаимодействии среды, климата, природного ландшафта, растительного и животного мира, структуры строительства, с одной стороны, и преступности – с другой. Под топографией преступности он понимает виктимо- и криминогенность конкретного объекта: здания, квартиры, улицы, сквера и т. д.²⁵

Впервые уголовно-географические исследования провели французский криминолог А.-М. Герри и бельгийский социолог А.-Ж. Кетле в 1833–1835 гг. Кетле, проанализировав собранный им уголовно-статистический материал за период 1825–1830 гг., нанес на карту Франции данные о примерном распределении преступности по стране. Различия в интенсивности преступности в различных ее районах он отнес за счет неодинаковой плотности населения, разницы в уровне жизни и образования народа.²⁶

²⁵ См.: Шнайдер Г.-Й. Указ. соч. С. 201–202.

²⁶ См.: Шнайдер Г.-Й. Указ. соч. С. 202–204.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.